

Были выявлены лексемы, называющие мужчин по социальному статусу: *хозяйственник* – «хозяин»; *живоглот* – «зажиточный крестьянин; кулак», *средняк* – «небогатый крестьянин, ведущий единоличное хозяйство»; *подкулачник* – «бедный крестьянин, разделяющий взгляды богатых крестьян, выступавших против советской власти»; *сумочник, крохоборник, христородник* – «неимущий, нищий крестьянин»; *архангел, апостол, богодул, драбант, жиган* – «человек, не имеющий постоянного места жительства, склонный к бродяжничеству и воровству»; *хлопчик* – «наёмный работник; батрак». Особенно много в амурских говорах наименований нищих и бедных людей, что говорит об актуальности вопроса социального неравенства в годы активного заселения Приамурья и становления народного хозяйства.

Таким образом, диалектные наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья чрезвычайно разнообразны. Внутри тематической группы возможно выделение ряда подгрупп в зависимости от особенностей характера и внешности, профессии, социального положения, места жительства и других особенностей мужчины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найдён Е.В. Фрагмент языковой картины мира сквозь призму мотивационно связанных слов // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Первой международной научно-исследовательской конференции 28-29 мая 2001. Томск, 2001. С. 22-26.
2. Словарь русских говоров Приамурья / Под ред. Ф.П.Филина. М.: Наука, 1983.
3. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского / Вступит. статья и ред. Л.В.Кирпикова. Благовещенск: БГПУ, 2003.
4. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Томск: ТГУ, 2000.
5. Галуза О.Ю. Вариантные ряды как отражение системных связей в словаре одного говора (на примере картотеки словаря албазинского говора Амурской области) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 года, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М., 2004. С. 28-29.
6. Блинова О.И., Телия В.Н., Шаховский В.И. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики // Вопросы языкознания. № 5, 1989. С. 139-142.
7. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н.Телия. М.: Наука, 1991. С. 67-99.
8. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
9. Оглезнева Е.А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12. Благовещенск: АмГУ, 2001.

К.Пушкарева

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКИХ СЁЛ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Великая Отечественная война в современной российской культуре воспринимается как наиболее значительное событие XX в., произошедшее в истории и сохранившееся в памяти старшего, ныне живущего поколения.

В рассказах амурских старожилов о Великой Отечественной войне описываются события, имевшие место как на европейской территории России, так и на Дальнем Востоке (связанные с победой над японскими интервентами в Китае).

События военного времени служат обычно кульминацией автобиографического рассказа как на композиционном, так и на эмоциональном уровнях.

Вслед за И.А.Разумовой [1, с. 64], отмечаем наличие в устных воспоминаниях, или мемуарах, о Великой Отечественной войне параллельных сюжетов, т.е. воспоминаний об одном и том же событии военного времени мужчин и женщин, людей разных возрастов, и выделяем следующие типы таких сюжетов:

1) фронтовой (условно – мужской): *«Меня в одной перестрелке контузило, после взрыва у меня шум образовался в ушах. Языком не мог шевелить»* (Горлов И.П.). Обычно такие рассказы принадлежат мужчинам – непосредственным участникам событий Великой Отечественной войны.

2) женский, сгруппированный по темам «эвакуация», «жизнь в оккупации» и т.д.: *«Я всю войну прожила... эту всю войну видела, и-и немцев видела, и-и, правда, нас расстрелять не расстрелял, но собирались нас изжечь в лесу»* (Галицкая М.С.). Такой рассказ представлен в рассказах женщин, которые переселились на Дальний Восток после войны и были очевидцами событий немецкой оккупации.

3) детский, включающий в себя чрезвычайно значимые компоненты точной памяти и свидетельства: *«Я в очереди, помню, стояла. Во второй класс ходила и в очереди за хлебом стояла, это по-омню. Да-а, мать идет на ферму, подымает нас, в три часа уходила, подымает. Иду туда, к магазину, и стою в очереди за хлебом. Хлеб привезут, шоб без хлеба не остаться. Ну, и стоишь в очереди, возьмешь хлеб. Вот стою в очереди и сплю»* (Плакса М.К.). Это рассказы тех, кто детьми пережил ужасы немецкой оккупации на европейской территории России, а после войны переселился на Дальний Восток.

Попытаемся обозначить идейную и тематическую направленность текстов о войне, реконструируя семантическое пространство концепта *война* в рамках традиционной культуры. Для этого выделим лексические компоненты лексико-семантической группы «война» по принципу частоты их упоминания в диалектных текстах.

Так, время войны соотносится с физическим напряжением, потерями и утратами, подневольностью. Данные аспекты сопряжены друг с другом: физическое напряжение возникает и в связи с тяжелой работой, и в связи с голодом. Лишения связаны с гибелью людей, потерей семьи, здоровья и достигнутого материального состояния. Наконец, все эти изменения навязаны человеку внешними обстоятельствами, которые он не может отменить своей волей.

По частотности упоминаний характеристик военного времени в анализируемых текстах на первом месте стоит *голод* или *скудная однообразная пища*: *«Я долго вспоминала хлеб, прямо лежу, у меня всё запах этот чувствовался»* (Золотова Н.Н.); *«Детство наше прошло: голые, голодные – война. Вот и детство наше прошло»* (Якубенко С.А.); *«Хозвзвод такой был при полку, продукты привозили, в столовую развозили. Мы все к нему подкрадывались где-нибудь булку стибануть. Мы наголодь все были»* (Киселев Н.М.).

Более периферийную позицию занимают тексты, где описываются иные лишения, например, отсутствие или изношенность одежды и обуви: *«Дон переходили, в валенках идем, а валенки эти с гражданского населения насобирали. Эти помощи одевали, там почти подошвы нету. Ну, и в валенках все теплей, чем в сапогах. Вот перешили воду эту, а валенки смерзлись, они же промокли»* (Киселев Н.М.).

На второе место по частоте упоминаний следует поставить свидетельства о ходе мобилизации мужчин: *«Мужиков-то переубили всех. Взяли одного человека, а ушло человека три. И все погибли на фронте»* (Сухоносик В.Г.). К данным текстам примыкают рассказы с констатацией гибели мужчин, что сломало судьбы оставшихся вдовами женщин и сиротами детей: *«Мой отец погиб на фронте. Нас остались трое у мамы. Мать с Киева, отец с Молдавы. Хозяйство все свое. Мать сама сено косила. Во время войны день и ночь работали в колхозе. Бабы от усталости падали. Мужиков не было – все на фронте. Работали на трудоводни»*. (Репешко Л.Н.).

Семантическое пространство концепта *война* представляет три неравные по объему временные сферы:

– до войны (перед войной): *«Перед войной только-только жить стали»* (Репешко Л.Н.); *«Дочь еще до войны родилась»* (Шмендель М.Я.);

– в войну (во время войны): *«Война была горе, большое горе, но работали. Были и голод, и холод – всяк было, но день и ночь работали»* (Репешко Л.Н.);

– после войны: *«После войны голод. Но-о, вот многосемейным большая перемена. Черный хлебушко вот так вот пополам раз это... и песочком, и водичкой, чтоб сахарок вот так. Тяжело. Но соль на стака-анах, крупа на стака-анах продавались, картошка десять рублей три шту-учки»* (Копырина А.М.).

Сфера, связанная с маркером *в войну*, имеет совершенно определенную эмоциональную глубину: *«Ну, страшно очень было, земля гудела»* (Юрченко О.И.); *«Когда бомбежка была, я от страха под стол залезла и плачу»* (Шмендель М.Я.). Тексты, в которых актуализирован данный лексический маркер времени, распадаются на две группы. Первая не связана с каким-либо эмоциональным напряжением, переживанием, поскольку весь временной отрезок сжимается и служит лишь вехой проявления (возникновения, исчезновения) определенного феномена или свершения события: *«В войну и голод страдали, и холод, и страх, и немцы чуть не убили»* (Инцелевич Н.К.). Вторая группа текстов представляет собой описание характеристик данного временного отрезка через описание феноменов и событий. Именно с такими текстами связана объективация концепта *война* в сознании носителей традиционной культуры: *«И тут второй взрыв, и так только слышу, осколок мимо меня, а потом снова три раза, и все затихло»* (Горлов И.П.). М.П.Чередникова в статье «Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне» [2, с. 92] указывает на единство рассказов о войне, состоящее в том, что личная судьба самим рассказчиком осознается в контексте судьбы народной, а типология повествовательной структуры строится на соотношении форм единственного и множественного числа местоимений первого лица. «Преобладание в рассказах формы множественного числа характеризует особый тип повествования. В таких рассказах личность информанта идентифицирована с коллективом, частью которого он себя осознает. Форма личного местоимения «мы» только подчеркивает главную особенность повествования в рассказах о Великой Отечественной войне: это рассказ не только о себе, но и о других, с кем рассказчик объединен общностью трудностей войны. Повествование строится как рассказ о повторявшихся в жизни многих людей бытовых ситуациях, сама обыденность которых выражает драматизм народной судьбы» [2, с. 92-93]. Подтверждение сказанному мы находим в диалектных текстах: *«Война началась, мы по тревоге с Еврейской автономной области и вверх по Амуру по-над берегом шли. Шли только ночью, суток двое-трое пешком в полном снаряжении до деревни Благословенной. А там взгорье каменистое. Ну, мы накопили землянок, стали их перекрывать, стены жердями и пиреем закладывали. Рвали пирей, резали и им перекрывали. Окопы, траншеи, доты строили, работали на укреп. Война идет, а мы укрепляемся, готовимся»* (Горлов И.П.).

Второй тип повествовательной структуры, по мнению М.П.Чередниковой, характеризуется «своеобразным «равновесием» личных местоименных форм единственного и множественного числа. Здесь личное «я» не растворяется в общем «мы», а сосуществует с ним равноправно» [2, с. 91]. Например, *«А ми-ины летят, хлопают, ну и хлопайте, черт с вами. А потом... эге-е. Под пулемет я упал, просвистели над тобой пули. А мина везде из земли выковыряет. Достанет. Вот так. Мы потом долго еще носом землю рыли, пока помощь не подошла»* (Хлыстов М.В.).

«Третий тип повествовательной структуры отличается ярко выраженным личностным началом. Личная форма «я» становится в этом случае признаком структурообразующим» [2, с. 92]. Например, *«Ну, кто их знает, как они там жили. Я знаю за себя, что вот... И вот так, я вот так, я вот до октября месяца пробыл тут, пока не отправили дальше ешеломом, пока фронт близко не стал. Я долго потом вспоминал эту дорогу»* (Хлыстов М.В.).

Однако довольно трудно выявить однозначное соответствие грамматических форм и идентификации рассказа с каким-либо типом повествовательной структуры, тем более что на выбор лица и числа местоимения влияет множество факторов. Устные воспоминания о войне неоднородны по своей структуре, и типология, построенная на достаточно строгом критерии – использовании грамматических форм – неизбежно нивелируют конкретные особенности материала.

Часто воспоминания о войне содержат клише, указывающие на восстановление нормы и одновременно обобщающие опыт рассказчика как часть общего опыта: «*Тяжело было в войну, эта Великая Отечественная, но работали*» (Шелепов Н.М.); «*После войны голод. Тяжело. Но соль на стака-анах, крупа на стака-анах продавались, картошка десять рублей три шту-учки*» (Копырина А.М.); «*Тяжело поднимали страну после войны, но смогли*» (Шмендель М.Я.); «*Война была горе, большое горе, но работали. Были и голод, и холод – всяк было, но день и ночь работали*» (Репешко Л.Н.). Клише, как правило, выделяются в тексте интонацией, переходом от одних грамматических форм к другим (от безличных форм к личным; от прошедшего времени к настоящему и т.п.).

Особое отношение к военному опыту проявляется в устных автобиографических рассказах, где воспоминания военного времени занимают значительное место даже в тех случаях, когда рассказчик сравнительно немного помнит о войне. В таких случаях устные автобиографии содержат, как правило, не подробный рассказ о войне, а пересказы эпизодов, сильнее всего повлиявших на жизнь рассказчика и вызвавших наибольшее эмоциональное переживание: спасение от смерти, бомбежка, встреча с врагом один на один: «*По квартирам ездили японцы, убивали на месте. А что они вытворяли с хозяйством: курей резали, чушек резали. Мы с сестрой и братом попрятались под кроватью, а японец приходит и говорит: вылазьте.*» (Репешко Л.Н.). Для информантов не важно, какой национальности захватчик, главное то, что он – враг, нарушивший течение мирной жизни. Именно поэтому образ захватчика является предельно обобщенным. Для некоторых рассказов актуальны представления о несметной силе захватчиков: «*Немец-то во-от. Елец, Воронеж бомбит*» (Горлов И.П.). Такие рассказы актуализируют традиционные мифологические мотивы, характерные для исторических преданий о борьбе с внешними врагами, при этом существительные единственного числа употребляются в плюральном значении: «*Немец-то пошел, пошел, скоро Дон перейдет, а потом и Москва. Много у немца силы, техника: самолеты, танки – и пехота прет*» (Горлов И.П.).

А.Б.Пеньковский [3, с. 58], рассматривая стратегию «отчуждения» объекта речи от говорящего в русском языке и особую семантическую категорию «чуждости», пишет об употреблении в таких случаях безличных конструкций, форм множественного числа, а также ряда других средств, указывающих на восприятие «чужих» как предельно однородного множества. Стереотипное восприятие оккупантов как мифологических врагов проявляется в рассказах о разрушении немцами церквей: «*У нас была церква. Церкву тую приехали разорили. Старухи те и плачуть, и голосять. Старухи придуть и голосять. Да как это можно! Иконы старухи поразобрали. А попа немцы расстреляли*» (Репешко Л.Н.).

Другой актуальный стереотип для восприятия войны – «общая беда, стихийное бедствие». Используемые в таких рассказах клише возможны и для описания других коллективных несчастий. М.П.Чередникова указывает на такое восприятие как на одну из характеристик первого типа повествовательной структуры: «В многочисленных рассказах такого рода война вспоминается как тяжелая, изнурительная работа, справиться с которой можно только сообща, «всем миром» [2, с. 104]: «*Были и голод, и холод, всяк было, но день и ночь работали*» (Репешко Л.Н.). Однако этот стереотип шире конкретного повествовательного типа и содержит не только представление об общей беде, работе, но и фатальную неизбежность беды: «*война есть война*».

Таким образом, война в устных мемуарах предстает как источник ценного психологического опыта, повлиявшего на жизнь рассказчика. Возможно, именно поэтому люди так охотно вспоминают о войне. Представления о значимости военного опыта осознаются информантом: он понимает войну как особое время, связанное с нарушением и последующим восстановлением норм, в контексте которого и его личные, пусть незначительные, переживания приобретают особую социальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разумова И.А. Потаенное знание русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

2. Чередникова М.П. Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза. М., 1992. С. 90-109.
3. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989. С. 54-82.

О.Краснощёка

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В жизни каждого человека одним из самых ответственных шагов является вступление в брак. В культурных традициях большинства народов этому событию отводится важное место. Свадьба – один из самых насыщенных обрядов и в славянской культуре.

В данной статье делается попытка восстановить ритуал свадебного обряда по рассказам старожилов сел Свободненского, Мазановского и Архаринского районов Амурской области.

Несмотря на изменения, неизбежно накладываемые временем, свадебный обряд остаётся цельным благодаря статичности его основных компонентов. Традиционно свадьбу у восточных славян делят на три части: предсвадебный цикл, собственно свадьба и послесвадебный цикл [1, с. 140-168].

Предсвадебный цикл.

Свадьба начиналась со сватовства. Сватали обычно после Покрова (14 октября), а свадьбы гуляли в осенне-зимний период. Амурчане предпочитали вступать в брак на Троицу, Пасху или Покров. Сватами могли быть как мужчины, так и замужние женщины из родственников или близких знакомых жениха: *«Сначала выбирали сватов, духовных родителей жениха, или кто шустрый в селе»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка). Сваты должны быть обязательно остроумны, речисты, а главное – уважаемы. Сборы и отъезд на сватовство держали в тайне. Зачастую ехали сватать вечером, а то и ночью: *«Перед отъездом в доме жениха связывали ножки стола, чтобы свадьба лучше вязалась, брали кочергу – выгрести девку. Потом только ехали сватать, но не по дороге, а огородами»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка).

Сватать приезжали с хлебом-солью и водкой. Заходя в дом, сваты приговаривали: *«У вас есть курочка-несушка, а у нас – петушок, золотой гребешок»*. Иногда «покупали телочку» со словами: *«У нас бычок есть, а у вас телочка есть»*. Если невеста была согласна на брак, она разрезала хлеб, и только после этого можно было выпить водки. Невеста оставляла жениху платок как залог своей любви: *«Невеста хлеб режет, платком жениха одаривает – приняла, значит, жениха. Потом все утку пьют, отмячают»* (Плакса М.К., с.Черновка).

Согласно обычаю, о дне свадьбы договаривались родители жениха и невесты через день после сватовства, а спустя неделю устраивали *заручины* – торжество, на котором девушки пели своей подруге-невесте много грустных песен о прощании с родным домом. Песни отражали насильственную выдачу девушки замуж, даже в том случае, если их подруга соединяла свою судьбу с человеком, которого любила: такова была традиция: *«Як посватали деўку, через день доувариваются о свадьбе, а уж через няделю – заручины. Деўки причатають: Матэнько моя, ниченько, нащо мэни ти заручення. Чи я тобі надокучила, що ти мэни заручила. Доню ж моя недокучлива, докучливы ж твои подруженьки, пид виконьце пидбигаючи, тебе з хаты выкликаючи* (Плакса М.К., с.Черновка). Далее следовали *розглядывы* – обычай смотрин, когда родственники невесты ездили смотреть хозяйство жениха: *«На розглядывах спивали: Пусти, свате, у хату, тут нас небогато, семеро та семеро, свату хату перевернемо. Не бийся нас, свате, нас тут небогато: сто коней пид нами, а двисти за нами, тыща за горою, Господь Бог з тобою»* (Плакса М.К., с.Черновка).

К середине XX в. в Амурской области наблюдается упрощение предсвадебного цикла за счёт почти полной утраты обрядов *заручин* и *розглядывов*; о свадьбе договариваются в день сватовства, на что указывают многие информанты: *«Шас-то чё? Песен-то свадебных не поют. Как посватают, так о дне свадьбы и договариваются»* (Кондюрина Т.С., с.Белоярово).